

МОДЕЛИ И ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

В. А. Маслов

Уральский юридический институт МВД России

CRIMINAL POLICY MODELS AND PRINCIPLES

W. A. Maslov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Аннотация: исследуется плюрализм точек зрения относительно конструкции «модель уголовной политики» и системы ее принципиальных положений. Проведенный анализ позволил утверждать о корректности понимания борьбы с преступностью как генерального (стратегического) направления уголовной политики, не исключающего использования различного арсенала средств и методов. В целях доктринальной унификации в вопросе системы принципов уголовной политики обоснована необходимость использования теории принципов права.

Ключевые слова: уголовная политика, модели уголовной политики, борьба с преступностью, принципы уголовной политики, система принципов уголовной политики.

Abstract: the article explores the pluralism of points of view regarding the construction of the "model of criminal policy", and the system of its fundamental provisions. The analysis made it possible to assert the correctness of the understanding of the "fight against crime" as a general (strategic) direction of criminal policy, which does not exclude the use of a different arsenal of tools and methods. For the purposes of doctrinal unification in the issue of the system of principles of criminal policy, the necessity of using the theory of principles of law is justified.

Key words: criminal policy, models of criminal policy, fight against crime, principles of criminal policy, system of principles of criminal policy.

В свете доктринальных оценок проводимой в Российской Федерации уголовной политики, носящих преимущественно негативный окрас, представляется как никогда своевременным обращение к вопросам необходимости научной разработки и терминологической унификации конструкции «модель уголовной политики», рассмотрения системы ее принципиальных положений, отвечающей современным вызовам.

Содержательная цель уголовной политики, под которой, к примеру, П. Н. Панченко понимает активизацию наступления на преступность¹, требует разъяснения в том числе и в части того, какими средствами наиболее эффективно можно ее достигнуть, какие основополагающие на-

чала и модели воздействия на преступность должны закладывать фундамент борьбы с наиболее общественно опасными проявлениями.

Отметим, что наше представление состоит в том, что под уголовной политикой необходимо понимать стратегическую деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности, в то время как уголовно-правовая политика представляет собой деятельность государственных органов по нормативному определению концептуальных основ борьбы с преступностью посредством закрепления целесообразных мер воздействия за совершение антиобщественных деяний.

Начать рассмотрение моделей уголовной политики позволим себе с высказывания В. Е. Новичкова, согласно которому среди основных концептуальных моделей уголовно-политического воздействия на преступность можно выделить «войну с преступностью», «борьбу с

¹ См.: Панченко П. Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 7.

© Маслов В. А., 2023

преступностью», «компромисс в борьбе с преступностью», «сотрудничество с преступностью» и «дифференцированное воздействие на преступность и контроль над ней»². При этом, говоря о реализации модели войны с преступностью, В. Е. Новичков отмечает, что нужно оптимальное сочетание соответствующей нормативно-правовой базы, политической воли, жесткого администрирования, усиления репрессии и акцента на полицейские силы и армию³.

Размышляя о множественности форм столкновения криминальной и антикриминальной деятельности (в том числе использовании терминов «борьба», «контроль», «управление», «противодействие» и т. д.), М. М. Бабаев указывает, что данные термины «должны не конкурировать между собой, а на равных оставаться в общем обороте криминологической науки, уголовной политики и, главное, практики борьбы с преступностью»⁴.

А. И. Бойко справедливо замечает, что «тенденция отказа от установки на “борьбу с преступностью” в пользу ее “сдерживания” есть и отказ от социального оптимизма... Призыв к “борьбе с преступностью” должен остаться в арсенале “официальной” уголовной политики Российской Федерации...»⁵, «общество должно иметь далекие идеалы – хотя бы на интуитивном уровне, и даже настаивать на оптимистической ориентации, иначе оно утратит перспективы своего развития, собьется на банальное выживание»⁶.

Ретроспективный анализ позволил А. В. Пронникову выделить тоталитарную, криминальную, авторитарную и псевдолиберальную модели уголовно-правовой политики⁷. Раскрывая тоталитарную модель уголовно-правовой политики, он указывает на эпоху сталинизма со свойственным

тому периоду времени всеобъемлющим контролем за поведением должностных лиц и опорой на неотвратимость уголовной репрессии за посягательства на социалистическую собственность, отмечая, что данная модель «обеспечивала сравнительно высокую степень эффективности контроля над преступностью в целом и экономической в частности, однако и “цена” за такую эффективность была непомерно высокой»⁸.

Криминальная модель характеризуется полной враждебностью криминального политического режима интересам населения и использованием ее как средства удержания власти и как инструмента обогащения.

В качестве отличительных признаков авторитарной модели А. В. Пронниковым указаны «наличие установленной идеологической линии – верности установкам КПСС, приоритетная защита экономических интересов государства, обеспечение монополии государства в ключевых направлениях экономики, уголовно-правовые запреты механизмов рыночной экономики, строгая ответственность за экономические преступления (вплоть до смертной казни с конфискацией имущества), наличие системы трудового воспитания в местах лишения свободы, существование уголовной ответственности за паразитический образ жизни»⁹. Распад Советского Союза ознаменовал собой начало формирования псевдолиберальной модели уголовной политики, к характерным признакам которой ученый относит: декриминализацию рыночных отношений, правовой вакуум в сфере уголовно-правового регулирования экономических злоупотреблений, запрет правоохранительным органам вмешиваться в деятельность экономических субъектов, формирование системы криминальных экономических отношений, коммерциализацию власти¹⁰.

Выбирая между терминами «борьба», «война», «контроль», «противодействие», «предупреждение», «управленческое воздействие», Э. Ф. Побегайло отмечает, что наиболее корректным является употребление термина «борьба», поскольку данный термин означает «активную, наступательную деятельность путем воздействия на процессы детерминации, обусловливания этого антисоциального явления и применения к лицам, нарушающим уголовный

² Новичков В. Е. Проблемы обеспечения разработок концепции борьбы с преступностью в ходе уголовно-политического прогнозирования // Таврический научный обозреватель. 2016. № 6. С. 87.

³ См.: Там же. С. 88.

⁴ Бабаев М. М. Уголовная политика и преступность как взаимодействие // Современные проблемы уголовной политики : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. 2015. С. 29.

⁵ Бойко А. И. Системная среда уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 17.

⁶ Там же. С. 35.

⁷ См.: Пронников А. В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 8.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ См.: Там же.

закон, соответствующих мер государственного принуждения»¹¹.

Н. Ш. Козаев утверждает, что борьба с преступностью «...подразумевает реакцию государства постфактум, когда требуется пресекать уже совершаемые преступления и наказывать состоявшихся преступников»¹², в связи с чем представляется более корректным использование термина «противодействие».

Укажем точку зрения А. В. Наумова, согласно которой, ввиду того что сдерживание роста преступности и есть борьба с ней, различия между терминами «борьба с преступностью» и «сдерживание и контроль преступности» «метафорические»¹³.

В заключение рассмотрения моделей уголовной политики констатируем, что исторический путь развития модели российской уголовной политики отличается тем, что лишь совсем недавно (по историческим меркам) произошли масштабные изменения общественно-политического строя, которые повлекли за собой формирование псевдолиберальной модели уголовной политики. Дальнейшее развитие законодательства и доктринальных положений приводит нас к мысли о том, что преобладающая точка зрения относительно современной модели уголовной политики – «борьба с преступностью», вместе с тем данный термин должен интерпретироваться, с одной стороны, буквально по отношению к термину «преступность», с другой – расширительно по отношению к термину «борьба».

Аргументируем сказанное тем, что борьба с преступностью – это генеральное (стратегическое) направление, лейтмотив, говоря литературным языком, или метафорическая красная линия уголовной политики. Вместе с тем с очевидностью можно утверждать, что невозможно достигнуть целей, стоящих перед уголовной политикой в рамках борьбы, понимаемой буквально. Ввиду разнонаправленности уголовной политики, состоящей по меньшей мере из поли-

тики уголовно-правовой, криминологической (профилактической), уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной (пенитенциарной) и постпенитенциарной, выступают на первый план и несколько «иные» формы борьбы с преступностью.

Так, называемые исследователями модели компромисса или сотрудничества с преступностью иногда могут быть поняты как реализуемые на практике в уголовно-процессуальной политике досудебное соглашение о сотрудничестве, явка с повинной, возмещение вреда и т. д., хотя данные факты свидетельствуют не о каком бы то ни было аналоге «сотрудничества» с преступностью, а о необходимом учете всех обстоятельств в целях назначения наиболее адекватных мер воздействия в отношении конкретного лица.

Мы склонны считать, что подобные меры не вступают в противоречие с моделью борьбы с преступностью, поскольку действуют как раз подобным образом: при выборе наиболее целесообразных и основанных на фактических обстоятельствах дела (в том числе на сведениях, характеризующих личность) мер будет достигнута цель – правопорядок и соблюдение прав и свобод человека и гражданина как в отношении лица, преступившего черту закона, получившего справедливые ограничения, так и в отношении общества в целом, соглашающегося со справедливостью применяемых мер.

Данные примеры можно продолжать и указывать на освобождение лица, отбывшего лишь часть установленного по приговору суда срока, освобождение от ответственности лица в соответствии с примечанием к нормам Особенной части Уголовного кодекса РФ (к примеру, лица, освободившего заложников), небезызвестные институты амнистии и помилования, которые, на первый взгляд, не совсем укладываются в модель борьбы с преступностью (вплоть до того, что могут считаться необоснованной гуманизацией).

Наша же точка зрения состоит в том, что борьба с преступностью включает в себя весь арсенал средств воздействия: от установления правовых основ на федеральном уровне до их реализации в рамках профилактических мероприятий, привлечения к уголовной ответственности, отбытия наказания, ресоциализации и т. п.

Очевидным представляется тот факт, что объектом борьбы (воздействия) выступает именно преступность, в то время как факт общественно

¹¹ *Побегайло Э. Ф.* Уголовная политика современной России : авторская концепция // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 9 : Экономические и юридические науки. С. 8.

¹² *Козаев Н. Ш.* Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 17, № 1. С. 98.

¹³ *Наумов А. В.* Проблемы кодификации российского уголовного законодательства : новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса // Уголовное право. 2009. № 4. С. 47.

опасного деяния требует поиска ответов на вопросы «почему человек это совершил?» (детерминационная составляющая) и «что необходимо сделать (для восстановления справедливости, недопущения совершения новых преступлений как преступником, так и другими лицами и т. д.)?». На данные вопросы не всегда необходимо отвечать с точки зрения «силы» или «борьбы» в отношении лица, преступившего закон. Безусловно, общество нуждается в том, чтобы ряд преступников, представляющих существенную общественную опасность, были изолированы, вместе с тем факты совершения впервые преступления небольшой тяжести, преступления при превышении пределов необходимой обороны, деяния, признанного малозначительным, и тому подобные примеры свидетельствуют о необходимости совершенно иной оценки, которую назвать борьбой в чистом виде не представляется возможным.

В свете вышесказанного уместной представляется точка зрения Г. Ю. Лесникова, который, говоря о расстановке акцентов в проблеме преступности, указывает на три ее составляющих: «предупреждение – борьба – ресоциализация»¹⁴. Такое, достаточно тривиальное, раскрытие ценно уже постольку, поскольку позволяет расставить верные акценты.

Во-первых, с преступностью нужно бороться. Только останавливая преступника, совершающего общественно опасное деяние, можно, с одной стороны, обеспечить правопорядок, права и свободы как потерпевшего (при наличии), так и других лиц, с другой – обозначить недопустимость такого поведения всему обществу (небезызвестная публичная превенция).

Во-вторых, ограничивая права и свободы преступника, необходимо задаваться еще целым рядом вопросов: создание условий, препятствующих дальнейшей криминализации в исправительных учреждениях; содействие ресоциализации по факту отбытия наказания и т. д. В свете имеющихся статистических данных, согласно которым 22 % лиц, освобожденных из мест лишения свободы, не имели на момент освобождения жилья, и только 15,5 % лиц после освобождения устроились на работу¹⁵, можно с уверенно-

стью утверждать, что отсутствие необходимых и исчерпывающих мер способно свести на нет назначенное, пусть даже и справедливое, наказание, если вследствие его отбытия разрушаются все социальные связи и становится практически невозможной реинтеграция в законопослушное общество.

В-третьих, многочисленные криминологические исследования позволяют утверждать, что перспективными в деле установления общественного правопорядка являются вопросы предупреждения, позволяющие существенно снизить криминальную ситуацию.

Представляется, что указанные составляющие вполне могут быть включены в модель современной уголовной политики, именуемую моделью борьбы с преступностью.

Определившись с тем, что моделью современной уголовной политики является модель борьбы с преступностью, которая включает в себя целый арсенал средств и методов воздействия в рамках уголовно-правовой, криминологической (профилактической), уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной (пенитенциарной) и постпенитенциарной составляющей, считаем уместным перейти к вопросу о том, какие руководящие начала должны лежать в основе уголовной политики в целях эффективной реализации модели борьбы с преступностью.

В качестве актуальности рассмотрения заявленной тематики отметим то, что даже относительно корректности наименования категории «принципы уголовной политики» существуют различные точки зрения. Так, А. И. Бойко указывает: «Для подвижной и компромиссной политики по сравнению с консервативным по своему назначению правом принцип – нонсенс, аксиологические предложения и предположения, которые выдаются за принципы уголовной политики, точнее было бы именовать “приоритетными направлениями борьбы с преступностью”»¹⁶.

Представляется необходимым в первую очередь определиться с тем, что же из себя представляет система принципов уголовной политики, для этого считаем допустимым обратиться к доктринальным положениям.

Г. Ю. Лесников говорит о существовании принципов «гуманизма; полинормативности, целостности уголовной политики, единства уго-

дическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3. С. 70.

¹⁶ Бойко А. И. Указ соч. С. 17.

¹⁴ Лесников Г. Ю. Полинормативность уголовной политики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 2. С. 72.

¹⁵ См.: Криминальная ситуация в Российской Федерации : состояние и тенденции / Д. А. Бражников, О. Р. Афанасьева, В. И. Коваленко, С. В. Маликов // Юри-

ловной политики России, участия гражданского общества в формировании и реализации уголовной политики, взаимной ответственности личности, общества и государства, международного сотрудничества и взаимопомощи в борьбе с преступностью и терроризмом, экономии уголовной репрессии, обеспечения общественной и национальной безопасности»¹⁷.

Согласно точке зрения П. Н. Панченко принципы уголовной политики представляют собой «единство социально-экономических, культурно-воспитательных и правовых мер борьбы с преступностью, сочетание в борьбе с преступностью мер предупреждения, сдерживания и вытеснения преступлений; единство законодательства о борьбе с преступностью, управления практикой его реализации и контроля, взаимодействия в борьбе с преступностью правоохранительных органов с иными государственными органами, трудовыми коллективами, общественными организациями и населением; единство неотвратимости, дифференциации и справедливости мер борьбы с преступностью»¹⁸.

Д. В. Семькин, говоря о противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, отмечает такие принципы уголовной политики, как принцип приоритета мер, направленных на предупреждение и профилактику; законности; справедливости; гуманизма; неотвратимости наказания; комплексной системы профилактики посредством сотрудничества государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями и гражданами¹⁹.

Согласно точке зрения Н. А. Лопашенко к принципам уголовной политики стоит относить принципы социальной и научной обоснованности; законности и согласованности с разделяемым Россией международно-правовым регулированием; справедливости; демократизма; гуманизма; экономии репрессии; неотвратимости ответственности²⁰.

¹⁷ Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 9.

¹⁸ Панченко П. Н. Указ. соч. С. 21.

¹⁹ См.: Семькин Д. В. Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2008. С. 8.

²⁰ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 46.

Э. Ф. Побегайло отмечает, что система принципов уголовной политики включает две группы: общие принципы и специальные. «К первой группе относятся принципы законности, демократизма, справедливости, гуманизма; ко второй – принципы приоритета профилактики преступлений, неотвратимости ответственности, личной и виновной ответственности, ее дифференциации, индивидуализации, экономии принудительных мер»²¹.

В то же время современные научные исследования позволяют сформулировать достаточно объемный перечень принципов уголовной политики, который включает в себя следующие основополагающие начала: социальная обусловленность; демократическая сущность и легитимность; научная обоснованность и целесообразность; полинормативность и верховенство права; комплексность и целостность; гуманность и нравственность; предупредительное воздействие на преступность; законность и справедливость; равенство граждан перед законом и судом; защита потерпевших от преступлений и обеспечение им доступа к правосудию, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав; обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь; обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, презумпция невиновности; дифференциация и индивидуализация ответственности; неотвратимость ответственности; рациональное применение мер государственного принуждения, экономия уголовной репрессии, процессуальная экономия; соединение наказания с исправительным воздействием; соответствие уголовной политики международным стандартам²².

М. В. Бавсун выделяет два базовых принципа уголовно-правового воздействия: законность и целесообразность, указывая производные от них принципы: вины; равенства всех граждан перед уголовным законом; справедливости; гуманизма; дифференциации уголовно-правового воз-

²¹ Побегайло Э. Ф. Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 28–30 сентября 2012 г.) : в 2 т. / под ред. А. Н. Ильешенко. Краснодар, 2012. Т. 1. С. 14.

²² См.: Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И. Базовые начала уголовной политики : от теоретических рассуждений к de lege ferenda // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 647.

действия; индивидуализации уголовно-правового воздействия; экономии уголовно-правового воздействия; неотвратимости уголовно-правового воздействия²³.

Вышеуказанные точки зрения свидетельствуют о следующем.

Во-первых, следует отметить факт множественности принципов, указываемых авторами. Считаем, что данное обстоятельство предопределено фундаментальностью и разнонаправленностью уголовной политики, включающей в себя по меньшей мере политику уголовно-правовую, криминологическую (профилактическую), уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную (пенитенциарную) и постпенитенциарную.

Во-вторых, такие указываемые авторами принципы, как целостность, единство, обеспечение общественной и национальной безопасности, по своей сути принципами не являются и выступают либо свойствами (признаками) системы принципов, либо целью ее существования.

В-третьих, отдельного рассмотрения заслуживает принцип равенства, поскольку, с одной стороны, не все авторы его причисляют к принципам уголовной политики, а с другой – данный принцип прямо закреплен в уголовном законе. Содержательно корректно принцип равенства граждан перед законом понимать как требование недопустимости учета «специфических» обстоятельств при решении вопроса привлечения к уголовной ответственности. Правоприменитель обязан узнать все необходимые сведения о лице, преступившем черту закона, установление которых требуется для верной уголовно-правовой оценки совершенного деяния и назначения лицу справедливых мер воздействия, при этом абстрагируясь от информации о поле, расе, вероисповедании и т. д.

Подчеркнем, что принцип равенства по своему существу содержательно является неотъемлемой составляющей таких принципов, как справедливость, в первую очередь, и неотвратимость – во вторую. Иными словами, не представляется возможным говорить о справедливом наказании в том случае, если в его основе лежит расовая или национальная принадлежность, имущественное положение и подобные факторы.

Таким образом, самостоятельное обособление признака равенства перед законом призна-

²³ См.: Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие : идеология, цели и средства реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск. 2013. С. 27.

ется спорным, и видится уместной точка зрения Т. Р. Сабитова, согласно которой принцип равенства граждан перед законом следует исключить из Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) как не имеющий должной степени уголовно-правовой специфики²⁴.

В-четвертых, множественность принципов требуется приводить в систему, что представляется возможным с учетом разработанной теории принципов права, предполагающей их классификацию на общие, межотраслевые и отраслевые. Стоит отметить и то, что приведенные точки зрения авторов в ряде случаев также содержат варианты дифференциации (на общие и специальные либо на базовые и производные).

Как утверждает Н. М. Марченко, «общие принципы права – это его основные идеи, исходные положения или, как принято полагать, ведущие начала процесса формирования и функционирования всех норм, институтов и отраслей права»²⁵.

Говоря об общих принципах, авторы приводят в пример принципы справедливости, равноправия, гуманизма, демократизма, единства прав и обязанностей, сочетания убеждения и принуждения, законности и т. д.²⁶ Указанные принципы зачастую находят свое отражение среди точек зрения на принципы уголовной политики (чаще всего это принципы законности, справедливости, демократизма и гуманности).

Отдельно стоит отметить, что ученые справедливо указывают на существующую «закономерность определяющего воздействия положений Конституции на содержание и развитие уголовного права и его соответствие конституционным нормам»²⁷, равно как на существующую «закономерность влияния международных событий и актов, связанных с уголовноправовыми проблемами, на содержание национального уголовного права»²⁸.

²⁴ См.: Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы : понятие, система и виды : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 13.

²⁵ Марченко М. Н. Понятие и основные признаки права // Теория государства и права. М., 1996. С. 295.

²⁶ См.: Вопленко Н. Н., Рудковской В. А. Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4. С. 41.

²⁷ Пудовочкин Ю. Е., Андрианов В. К. Закономерности формирования уголовного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4. С. 4.

²⁸ Там же. С. 6.

С. С. Босхолов, говоря о справедливости наказания, утверждает, что «нельзя не учитывать общественное мнение, умонастроения российского народа, рядовых граждан, которые страдают от тотальной коррупции, как от чумы. Судя по их многочисленным высказываниям, только лишение свободы с конфискацией имущества было бы действительно справедливым наказанием, в особенности по отношению к крупным взяточникам, занимающим высокие посты в чиновничьей иерархии»²⁹.

Поддерживая указанную точку зрения, отметим, что представляется корректным понимание справедливости как восприятия реализации уголовной политики и ее оценка как справедливой обществом в целом.

По мнению Т. Р. Сабитова, более корректным будет переименование принципа справедливости в принцип соразмерности в ч. 1 ст. 6 УК РФ³⁰.

Такие принципы, как неотвратимость ответственности, о которой в свое время говорил еще Ч. Беккария, экономия мер уголовной репрессии, научная и социальная обоснованность и целесообразность, а также приоритет мер профилактики, мы склонны относить к специальным (производным). Говоря о принципе экономии мер уголовной репрессии, стоит отметить тезис Г. Ю. Лесникова, согласно которому «уголовно-правовой запрет должен рассматриваться в качестве крайней и временной меры... когда иные меры не оказали необходимого воздействия»³¹.

В свою очередь актуальность рассмотрения вопросов обоснованности уголовной политики можно проиллюстрировать словами Ю. Е. Пудовочкина о том, что особое внимание необходимо уделять научности уголовной политики, означающей «криминологическую обоснованность принимаемых законов и осуществление уголовной политики... в соответствии с новейшими достижениями наук криминального и психолого-педагогического циклов». Данный ав-

²⁹ Босхолов С. С. Российский либерализм и проблемы антикоррупционной уголовной политики // Труды института государства и права российской академии наук. 2014. № 3. С. 39.

³⁰ См.: Сабитов Т. Р. Указ. соч. С. 13.

³¹ Лесников Г. Ю. Уголовная политика в XXI веке: проблемы формирования и реализации // Современные проблемы уголовной политики: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 28–30 сентября 2012 г.): в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2012. Т. 1. С. 141.

тор среди принципов уголовной политики справедливо выделяет социально-экономическую обусловленность и реалистичность уголовной политики, означающие «ее адекватность уровню развития экономических, социальных отношений, идеологии и права, отказ от идеалистических и утопичных концепций»³².

М. В. Бавсун справедливо отмечает, что в основе принципа целесообразности, «в ее уголовно-правовом понимании должно лежать подконтрольное, но вместе с тем разумное применение положений уголовного закона, где средства, предусмотренные в нем, всегда должны соответствовать тем целям, которые изначально ставятся законодателем перед уголовным законом»³³.

Неупомянутые нами принципы мы склонны исключить из перечня принципов уголовной политики ввиду того, что они реализуются преимущественно в рамках отдельно взятого направления уголовной политики, например:

– принцип дифференциации ответственности в рамках уголовно-правовой политики;

– принцип индивидуализации наказания в рамках уголовно-исполнительной политики (принимая во внимание не факт определения соответствующей меры воздействия, а существенно более значимый факт восприятия лицом данного наказания);

– принцип защиты прав потерпевших и права на квалифицированную юридическую помощь в рамках уголовно-процессуальной политики (даже с учетом известного тезиса Н. С. Таганцева «чем сильнее крепнет государство, тем дальше отодвигается на задний план потерпевшее лицо, а права общественного мстителя вполне и окончательно переходят к представителю государства»)³⁴.

Безусловно если принимать во внимание соотношение уголовной и уголовно-правовой политики как целого и части можно вести речь о том, что данные принципы являются все-таки принципами уголовной политики. Однако наша точка зрения состоит в том, что для столь фундаментальной категории необходимо предельно корректное определение основополагающих

³² Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 22.

³³ Бавсун М. В. Указ. соч. С. 14.

³⁴ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть первая. СПб., 1890. Вып. 3. С. 1089.

начал. Иными словами, в состав принципов уголовной политики должны быть включены в первую очередь общеправовые (общие) принципы, с учетом их преломления в контексте решаемых уголовной политикой вопросов, и во вторую очередь – специальные (или «производные» от общих), охватывающие несколько направлений уголовной политики.

В качестве иллюстрации считаем уместным привести выдержку из Европейских тюремных правил, согласно которым утверждены следующие принципы: уважение лиц, лишенных свободы; сохранение за лишенными свободы их законных прав; соразмерность ограничений цели наказания с акцентом на ее минимизацию; нарушение условий содержания не может оправдываться нехваткой ресурсов; содержание заключенных «должно максимально приближаться к позитивным аспектам»; содержание заключенных должно способствовать реинтеграции в свободное общество; привлечение социальных служб и гражданского общества; профессионализм сотрудников, исполняющих наказание; государственное инспектирование и независимый контроль тюрем³⁵.

Как видно, принципиальные вопросы пенитенциарного воздействия даже на уровне международного права, известного своей лаконичностью, укладываются в девять позиций, при этом несомненно важным представляется как отдельно взятое принципиальное положение, так и их совокупность, однако вопрос их включения в подобном виде в состав уголовных принципов считаем достаточно дискуссионным.

Изложение принципиальных положений путем многочисленного перечисления признаем нецелесообразным еще и постольку, поскольку при данном подходе неизбежно теряется (размывается) суть входящих в данную множественность позиций. Именно по данной причине у ряда авторов основополагающие начала законности, справедливости и т. п. находятся далеко не на первых местах, что недопустимо.

Подводя итог, отметим следующее.

Во-первых, доктринальный плюрализм относительно наименования и содержания моделей уголовной политики («война», «борьба», «сотрудничество», «противодействие», «компромисс в борьбе с преступностью» и т. п.) обу-

словлен комплексностью категории «уголовная политика», включающей в себя политику уголовно-правовую, криминологическую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и постпенитенциарную. Корректным представляется использование термина «борьба с преступностью», понимаемого как генеральное (стратегическое) направление, не исключающее использование различного арсенала средств и методов в зависимости от фактических обстоятельств и «этапа» борьбы с преступностью (предупреждение – борьба – ресоциализация).

Во-вторых, множественность точек зрения по вопросу принципов уголовной политики равным образом предопределена комплексностью категории «уголовная политика». В данном случае считаем уместным использовать разработанную и апробированную теорию принципов права, предполагающую их дифференциацию на общие, межотраслевые и специальные. В рамках данной классификации к общим принципам уголовного права стоит отнести принципы законности, справедливости, демократизма и гуманности.

К специальным (производным) следует отнести принципы неотвратимости ответственности, экономии мер уголовной репрессии, научной и социальной обоснованности, а также целесообразности, приоритета мер профилактики.

В отношении иных основополагающих начал наша точка зрения состоит в том, что с учетом фундаментальности категории «уголовная политика» такие принципы, как дифференциации ответственности, индивидуализации наказания, защиты прав потерпевших и ряд иных, следует исключить из перечня принципов уголовной политики ввиду того, что они реализуются преимущественно в рамках отдельно взятого направления уголовной политики.

В-третьих, такие свойства (признаки) системы принципов, как, к примеру, целостность и единство, а также цель уголовной политики – обеспечение общественной и национальной безопасности считать принципами по меньшей мере дискуссионно, равно как спорным видится указание в качестве принципа равенства граждан перед законом.

В-четвертых, только содержательная унификация в вопросе категории «модель уголовной политики» в совокупности с доктринальной проработкой классификации системы принципов уголовного права позволит выстроить дей-

³⁵ Council of Europe publishing. European Prison Rules. URL: <http://rm.coe.int/16806ab9ze> (дата обращения: 04.10.2022).

ствительно прочный доктринальный фундамент в свете непрекращающихся разговоров о необходимости формирования концептуальных начал уголовной политики современной России.

Библиографический список

Бабаев М. М. Уголовная политика и преступность как взаимодействие // Современные проблемы уголовной политики : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т., 2015. С. 29–38.

Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие : идеология, цели и средства реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. 39 с.

Бойко А. И. Системная среда уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 49 с.

Босхолов С. С. Российский либерализм и проблемы антикоррупционной уголовной политики // Труды института государства и права российской академии наук. 2014. № 3. С. 31–43.

Вопленко Н. Н., Рудковской В. А. Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4. С. 35–48.

Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к *de lege ferenda* // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 641–650.

Козаев Н. Ш. Состояние уголовной политики и вопросы преодоления кризисных явлений в уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 17, № 1. С. 96–101.

Криминальная ситуация в Российской Федерации: состояние и тенденции / Д. А. Бражников, О. Р. Афанасьева, В. И. Коваленко, С. В. Маликов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3. С. 66–78.

Лесников Г. Ю. Полинормативность уголовной политики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 2. С. 72–78.

Лесников Г. Ю. Уголовная политика в XXI веке : проблемы формирования и реализации // Современные проблемы уголовной политики : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 28–30 сентября 2012 г.) : в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар : Краснодарский университет МВД России. 2012. Т. 1. С. 141–152.

Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 48 с.

Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. 579 с.

Марченко М. Н. Понятие и основные признаки права // Теория государства и права. М. : Зерцало, 1996. 475 с.

Наумов А. В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства : новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса // Уголовное право. 2009. № 4. С. 44–48.

Новичков В. Е. Проблемы обеспечения разработок концепции борьбы с преступностью в ходе уголовно-политического прогнозирования // Таврический научный обозреватель. 2016. № 6. С. 86–92.

Панченко П. Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 32 с.

Побегайло Э. Ф. Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 28–30 сентября 2012 г.) : в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2012. Т. 1. С. 14–24.

Побегайло Э. Ф. Уголовная политика современной России : авторская концепция // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 9 : Экономические и юридические науки. С. 6–15.

Пронников А. В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 26 с.

Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 59 с.

Пудовочкин Ю. Е., Андрианов В. К. Закономерности формирования уголовного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4. С. 3–7.

Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 54 с.

Семькин Д. В. Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2008. 23 с.

Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть первая. СПб., 1890. Вып. 3. 1216 с.

References

Babaev M. M. Criminal policy and crime as interaction // Modern problems of criminal policy : Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. In 2 vol. 2015. P. 29–38.

Bavsun M. V. Criminal legal impact : ideology, goals and means of implementation : dr. legal sci. diss. abstr. Omsk, 2013. 39 p.

Bosholov S. S. Russian liberalism and problems of anti-corruption criminal policy // Proceedings of the

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 3. P. 31–43.

Boyko A. I. System environment of criminal law : dr. legal sci. diss. abstr. Moscow, 2008. 49 p.

Criminal situation in the Russian Federation : state and trends / D. A. Brazhnikov, O. R. Afanasyeva, V. I. Kovalenko, S. V. Malikov // Legal science and law enforcement practice. 2017. No. 3. P. 66–78.

Endoltseva A. V., Endoltseva Yu. V., Platonov N. I. The basic principles of criminal policy : from theoretical reasoning to de lege ferenda // All-Russian Journal of Criminology. 2019. T. 13, no. 4. P. 641–650.

Kozaev N. Sh. State criminal policy and the problems of overcoming the crisis in criminal law // Legal Bulletin of the DSU. 2016. Vol. 17, no. 1. P. 96–101.

Lesnikov G. Y. Criminal policy in the XXI century : problems of formation and implementation // Modern problems of criminal policy: materials of the III International Scientific and practical Conference (Krasnodar, September 28–30, 2012) : in 2 vol. / ed. A. N. Ilyashenko. Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. Vol. 1. P. 141–152.

Lesnikov G. Y. Criminal policy of modern Russia (methodological, legal and organizational foundations) : dr. legal sci. diss. abstr. Moscow, 2005. 48 p.

Lesnikov G. Yu. Prenormative criminal policy // Scientific works of the Russian Academy of advocacy and notaries. 2009. No. 2. P. 72–78.

Lopashenko N. A. Criminal policy. Moscow, 2009. 579 p.

Marchenko M. N. The concept and main features of law // Theory of State and law. Moscow : Zertsalo, 1996. 475 p.

Naumov A. V. Problems of codification of Russian criminal legislation: the new Criminal Code or the new edition of the Code // Criminal Law. 2009. No. 4. P. 44–48.

Novikov V. E. Problems of ensuring the development of the concept of combating crime in the course

of criminal and political forecasting // Tauride scientific Observer. 2016. No. 6. P. 86–92.

Panchenko P. N. The subject and system of scientific foundations of Soviet criminal policy : dr. legal sci. diss. abstr. Moscow, 1990. 32 p.

Pobegailo E. F. Criminal policy of modern Russia: author's concept // Bulletin of the Russian State University named after I. Kant. 2007. Iss. 9. Economic and Legal Sciences. P. 6–15.

Pobegailo E. F. On the deepening crisis of Russian criminal policy // Modern problems of criminal policy: materials of the III International Scientific and Practical Conference (Krasnodar, September 28–30, 2012) : in 2 vol. / ed. A. N. Ilyashenko. Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. Vol. 1. P. 14–24.

Pronnikov A. V. Criminal law policy in the field of combating economic crime : dr. legal sci. diss. abstr. Omsk. 2008. 26 p.

Pudovochkin Yu. E. Criminal-legal and criminological problems of prevention of crimes against minors : dr. legal sci. diss. abstr. Moscow, 2005. 59 p.

Pudovochkin Yu. E., Andrianov V. K. Regularities of the formation of criminal law // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4. P. 3–7.

Sabitov T. R. Criminal law principles: concept, system and types : dr. legal sci. diss. abstr. Yekaterinburg, 2019. 54 p.

Semykin D. V. Criminal policy of the Russian Federation in the field of countering illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues : dr. legal sci. diss. abstr. Rostov-on-don, 2008. 23 p.

Tagantsev N. S. Lectures on Russian criminal law. Part one. St. Petersburg, 1890. Iss. 3. 1216 p.

Voplenko N. N., Rudkovskoy V. A. The concept and classification of the principles of law // Leningrad Law Journal. 2014. No. 4. P. 35–48.

Уральский юридический институт МВД России
Маслов В. А., кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
E-mail: maslov-lex@yandex.ru

Поступила в редакцию: 04.10.2022

Для цитирования:

Маслов В. А. Модели и принципы уголовной политики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 3 (54). С. 230–239. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/3/230-239>.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Maslov W. A., Candidate of Legal Sciences, Associated Professor, Head of the Research and Editorial and Publishing Department
E-mail: maslov-lex@yandex.ru

Received: 04.10.2022

For citation:

Maslov W. A. Criminal policy models and principles // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 3 (54). P. 230–239. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/3/230-239>.